

ХАРАКТЕР СОЦИАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ*

Аннотация: Статья содержит описание природы социальной трансформации. Автор представляет механизмы позитивной гражданской модернизации под эгидой центризма.

Ключевые слова: социальная трансформация, критерии утопизма теорий, центризм политики, социальная апология, социальная технология.

Социальная трансформация — нерасчлененное понятие, описывающее преобразовательные социальные эффекты. Теория объясняет, социальное действие совершает, творит реальность. По сути своей оно есть борьба не за правду, а за упрочение. В этом обоюдоострость социального действия, призвание которого в практике представлены двумя линиями. Первая: молчаливое признание, что нельзя делать историю без любви к ближнему. Глас народа — глас Божий. Главное в действии — сохранять, поддерживать, обеспечивать естественный тип вершения истории, воспроизводства жизни. Смотри на вещи слишком пристально, как Горацио в «Гамлете», политика обмирщает лишь тот курс, который санкционирует народ. Отсюда ставка на легитимацию, отсутствие которой сродни диктатуре. Когда из структуры бытия следует тлетворная политическая монополия? При подрыве демократии, когда обстоятельства способствуют, чтобы культура правителя сузилась до бесконечно малого, чтобы он мог превратиться в точку и заявить, что это есть его и единственно верная точка зрения.

В такой ситуации смещаются понятия допустимых масштабов, границ целенаправленного воздействия на общество в особенности жесткими социальными технологиями, практикуется предвзятое (из априорных идеалов) тиранотворчество. Логическое создание упрощенного типа человечества: усилия подвести под этот тип живого человека; вмешательство правительственной власти во все отрасли общественных предприятий; стеснение труда, торговли, пользования собственностью; наложение пут на семью и воспитание, на верования, нравы и обычаи, на самое чувство; принесение отдельной личности в жертву общине, всемогуществу государственной власти, — именно в этом и состоит существо социальной диктатуры [2].

Вторая линия единит дизайнеров политического шока, усматривающих в народе не более чем сборище перизков. «Где народ, должен быть стон» — кредо перешедших рубеж допустимого политиканов. Зловещ лозунг «нравственно все, что служит коммунизму» [1]. Проводя его в жизнь, не останавливались ни перед какой кровью.

Чем наваян небезобидный предрассудок дозволенности утверждать на массах политическую исключительность? Истоки понятия возможности, допустимости всемерно править обществом, культурой, жизнью — в механистической картине мира, использующей метафору «социум — заводные часы с человеком-винтиком». Комплекс конструируемости реальности утверждался в европейском духе при переходе от качественной космологии Средневековья (идея несокрушимой общественной иерархии) к выпестованному Ренессансом взгляду на мир как полю приложения деятельности, предмету собственного творения. Согласно такой парадигме всякий фрагмент мира — объект для обсчета, производя который, можно содержательно его исчерпать, знать о нем все желательное.

* © Романова И.Н.

«Измерить все, что измеримо, и сделать измеримым все, что неизмеримо», — на уровне методологической рефлексии итожил Галилей, придавая квантитативизму императивный статус. До Галилея, чисто эмпирически, в практике государственного строительства схожие идеологемы проводил Макиавелли, втискивавший державный опыт в узкую колею голого, строгого расчета. Рычаг социального созидания вычисление. Такой тактики держались вышедшие из механицистско-техницистского концептуализма авангарда Гитлер и Розенберг; материализующий инструментальный способ модернизации России через форс-мажорную индустриализацию за счет крестьянства Сталин; проектировавшие по сакрализованным текстам коммунистическое общество в одной отдельно взятой отсталой стране маоисты и полпотовцы и прочие социальные инженеры.

Обществом можно не править, а управлять, на локальном уровне полагаясь на самоорганизацию, на страновом, региональном и глобальном уровнях — на действии циклов и мегатенденций (понимание истории — понимание ее ритмов).

Революционеры казнят монархов, потом друг друга. В этом их недалекость: кто не живет ни для кого, не живет и ради себя. Основное в жизни — жизнь. В погоне за вожделением человечества — свободой и справедливостью — требуется понимать глубину их диалектики: нет свободы без справедливости, без справедливости нет свободы.

Барьер между мечтой и реальностью, вероятно, впервые пытались преодолеть Уот Тайлер с соратниками, стремившиеся синтезировать воображение с социальным утверждением, насадить на Земле желанные сады Эдема. До этого прецедента гражданскими преобразованиями занимались лишь в мыслях, высоко воспаряя над реальностью в спекуляции. Утопия слишком легко реализуется. В этом ее недостаток. Последнее высвечивает деятельность всякого рода концептуалистов-сектантов типа хилиастов, милени-аристов, подобных им прожектеров. Утопия реализуется слишком легко. Сказать так — значит не сказать всей правды. Вся правда же состоит в том, что утопия реализуется слишком страшно.

Гносеологический корень утопии — наивно-реалистическая презумпция зеркального соответствия бытия и мышления: что в идее, то и в жизни, истории. В утопических — фантастических планах общественного реформительства не хватает пустяка — точки опоры, под которой разумеется добротная программа наращивания показателей существования. Обычно при описаниях идеалов политическая технология их достижения игнорируется. Какую известную прошлому — от якобинской до большевистской тирании — утопическую политическую форму ни взять, в отсутствие технологического обсчета своего кредо она порождает резню, национальную бойню.

Кто сказал, что гносеологические (идеологические) ошибки невинны? Перед лицом находимого в истории океана крови надо расстаться с этой иллюзией. Когда мир пытается облобызывать идеалы, он не просто посягает на их чистоту — рекрутируя в неких палестинах своих адептов, защитников, он слишком поспешно клеймит несогласных тавром отверженных. Общественное целое раскалывается на верных и неверных, праведных и греховных, приверженных и отлученных. Начинает раскрываться маховик репрессий.

Утопия — негодный, кровавый движитель социального реформаторства. За идеал можно гибнуть. Но индивидуально. На групповом уровне истребление недопустимо. По всем канонам — и как теория, и как метод — оно должно быть выдвинуто за социальную раму. Народ не фигурант, а лицедей истории. Оттого приемлемы

лишь неущемляющие народной судьбы, крепящиеся на ясных, обозримых целях, ориентирующие на повышение уровня жизни реалистические проекты социотворчества. Реализация их обеспечивается опосредованной связью слова и дела, где роль медиатора играет народная воля.

Не устоит царство, разделенное внутри себя. Желание запустить преобразования «жить по-новому» нужно согласовывать не с понятием неизбежности изменений (что практиковалось и в марксизме-ленинизме, указывающем на необходимость перемен, якобы вскрытых теорией), а с народной волей. Тогда жизнь будет похожа на жизнь, управляемую не привносимой извне, но своей собственной жизненной логикой.

Сказанное навеивает необходимость различения в общественной практике социальной апологии и социальной технологии. В задачу апологии входит фиксация гуманитарно оправданных, цивилизных образцов общественного устройства, которые, подчиняя части целому как властвующему началу, никогда не упускают из вида ничего, что может сделать всех, насколько это подобает, достойно живущими. Социальные технологии практически проводят, реализуют интересы и цели, влияют на жизнестроительство, ускоряя, сдерживая его темпы. Социальные апологии заявляют, обосновывают, разумно ставят, оправдывают цели и интересы; посредством концептуальной проработки, интеллектуальной тематизации социальных действий они целеориентируют социальные технологии.

Технологии и апологии неразрывны в пространственно-временном и прагматическом измерениях. Выступающие под знаменем социалистической риторики недавние идеологии перестройки парировали упреки в отсутствии четко сформулированного, ясного плана общественной реформации простым доводом: «Социализм — живое творчество... народ сам в процессе жизни нащупает, выдвинет, достигнет искомого» (А. Яковлев). Спрашивается: искомого чего? Ведь цели, стремления, идеалы у общественных, этнических, конфессиональных групп и отдельных людей разные. Уточнение направленности реформ лишь на уровне апологии: насыщение рынка, нормализация межнациональных отношений, совершенствование демократии и т.д. — маниловски непродуктивно. Образ потребного будущего в отсутствии технологии его достижения хилиастичен. В серьезной политике, высот которой так и не достигли зачинщики перестройки, не бывает программ без планов действий. Жизнеспособный, жизнотворный союз теории и практики в политике — конкордия апологий с технологиями. Апология конструирует, проектирует, технология претворяет. К апологии ближе законодательная власть, к технологии — исполнительная. Во всех своих назначениях они синхронизированы.

Апология как стратегический ресурс дальнего прицела судит о строе, конечных целях. Технология как тактический, избавленный от глобализма, отрешенности, совершенствующий ресурс судит о механизмах и институтах. Достоинство апологии — глубина идей, связывающих почву с цивилизационными универсалиями. Достоинство технологии — слаженность, оперативность воздействий в створе мелиоризма. Учитывая важность тезиса, выскажемся пространнее.

Социальным технологиям противопоказан радикализм «быстрее, дальше, больше»; не насилующая революция, а сходящая эволюция — режим их отправления. Рациональность их обеспечивается: — постепенностью социальных изменений; — демпфированием возмущений; — слаженностью властей через разделенность функций; — предотвращением автократии; — саморегуляцией, минимальностью централизованных вмешательств в автохтонные ритмы жизни; — искоренением мании

грандиоза, крупномасштабных всеобъемлющих реконструкций социума.

Крупномасштабность, революционность, радикальность применительно к преобразованию реальности — синонимы безответственности; сопровождающиеся насилием, страданием, они противопоставлены социальным технологиям. Постепенная, постадийная, обозримая, критичная, рефлексивная, обходящая форс-мажорную утопию эволюция — объект желаемого.

Политика — резюме просеивания, отбраковки фигур отклоняющегося, мизантропичного поведения, граждански опасных девиаций. Естественный отбор направляет воспроизводство жизни по вектору воплощения гуманитарных констант, абсолютных устоев социальности. Сказанное — не пропаганда идиллической пасторали, когда, выражаясь библейским слогом, волк живет вместе с ягненком, а барс лежит вместе с козленком, и теленок, и молодой лев, и вол пребывают вместе, а удаление на избирательности в логике пролонгации исторической жизни.

Общественное бытие упорядоченно, внутренне связно, регулировано, что означает (в массе, на больших интервалах) исключение экстремизма, затратных крайностей. Обмирщаются немногие конкурентоспособные возможности, отличающиеся преимущественной жизнестойкостью в гарантиях достойности существования. Социальность, сколь бы полиформной она ни была, строится не как попало. Скажем, нужна политическая программа наращивания потребления. Ближайшее решение — сокращение населения: уполовинишь сограждан, вдвое поднимешь уровень жизни. Приемлемо? Смотря как рассуждать. Если социальная политика автономна от жизни — приемлемо (практика красных кхмеров). Если социальная политика не автономна от жизни, а подчинена ей — не приемлемо. Инверсность социальной политики как обоюдоострого и ценностно несамодостаточного предприятия особенно важно представлять в наши дни — дни омассовления политосферы, при нарастающем понимании того, что «убить человека» и «убить человечество» опасно сблизилась (Адамович). Рациональность социальной политики таится в диалектических хитросплетениях триады «цель — средство — результат», навевающих диспозиции: 1) не все цели хороши; 2) даже хорошие цели нередко недостижимы; 3) даже достижимые хорошие цели никогда не достигаются любой ценой.

Историей правит произвол, утверждал Шеллинг. С его мыслью в контексте обсуждаемого предмета мы позволим себе не согласиться. Историей правит не произвол, а прошедшие испытание цивилизационным отбором принципы целесообразной организации жизни. Произвол в мысли — от «охотящейся за людьми» (Платон) софистики; произвол в истории — от государственно и морально безнравственного, безрассудного политиканства, защищающего не ценности, а величайшие химеры. Сопрягаемая не с «фоном личности», а с социальными устоями политика по всем азимутам блокирует девиации. Отправная ее точка — жизненные гарантии, неважно чем обусловленные — ритуалом («ли» конфуцианцев), законом («фа» легистов), мифом (древневосточные Авеста, «Законы Ману», гесиодовские «Труды и дни», аккумулярующие нормы «совместного поселения»), — но регулирующие самоощущение лиц, правителей, государств, народов.

Рациональность в социальной политике приобретает редакцию противостояния цивилизации варварству. Имеются два принципа существования: дивергенция — линия почвы, наращивания многообразия (тот же Восток с началом подданчества и Запад с началом гражданства) и конвергенция — линия единства истории, цивилизационных инвариантов (обеспечение достойного воспроизводства жизни во всех регистрах экзистенциальности). Как ни обустроить жизнесферу, суть — в

достижении гарантированного существования, укреплении уверенности в завтрашнем дне, преодолении отнимающего лучшую часть доблестей рабства, духовном, гражданском раскрепощении, творческой продуктивной самореализации.

Спектр воздействий на социальные единицы обозрим, достаточно узок. Наименее эффективны в нем традиционные, центрально-административные технологии, связывающие людей через диктат обряда, бюрократии. Богатство инициатив, простор воплощений здесь втиснуты в прокрустово ложе автоматичных реакций на директивы. Предпочтительнее либеральные технологии, не исключающие наблюдения, присмотра, опеки, но ставящие на суверенность, предприимчивость субъективного.

Деятельностные акты, позитивные, негативные (блокирование инициатив), нацеленные на оптимальное достижение целей, проведение интересов, не могут не быть конформными опыту созидания социальности по обособливаемому естественным отбором множеству общезначимых форм, олицетворяющих начала достойного, желанного, потребного существования. Интенция на подобные формы в мысли и действии, не избавляя вовсе от в виде флуктуации пробивающегося произвола, конституирует законосообразность, упорядоченность социосферы, а через это — ее рациональность.

«Разум схватывает не жизнь, а сверхчувственную интеллектуальную интуицию», — настаивает Гегель. Все наше социотворчество есть один сплошной непрекращающийся разумный эскапизм — уход в идейную, интеллектуально-интуитивную иллюзию. Обустройство реальности у нас доктринально; разворачивается как смена умозрительных вех: православие — самодержавие — народность; Ленин — партия — комсомол; демократия — рынок — открытое общество.

Понятия, интеллектуальные интуиции, идеалы есть. Нет жизни, организующейся не по понятиям. Творение истории не историсофско. Пора покончить с мелким арапством перед идеологией. Идеи обслуживают, а не заслоняют жизнь. *Per fas et nefas* у нас ставили метафизические эксперименты по обмирщению идеалов, реификации исторических глобальных целей. Но глобальная история не имеет целей. Цели имеет локальная деятельность. Обустройство локалов по обозримым, вполне внятным планам — вот цель. Любить, верить и служить самим себе — вот программа.

В фокусе не завоевание, а благополучие. Не вообще, а конкретных исторических лицедеев — народов, этносов, лиц, борющихся за собственное понимание свободы, удовлетворения, процветания.

В создавшихся условиях необходима оценка наличных активов, магистралей потребного общественного развития. Нужна трезвая платформа взвешенных инициатив, мобилизующая на созидание гуманного, изобильного, свободного, продуктивного социума.

Перспективной силой, наделенной полномочиями субъекта национального действия, обеспечивающей гражданский мир и благополучие народов России, является, по-нашему мнению, *социально-политический центризм*, который: — *идейно* блокирует экстремизм, радикализм; — *экономически* акцентирует мелиоризм — систему обозримых, осязаемых, улучшающе-преобразующих починов; — *социально* исповедует эволюционизм, сбалансированно-некатастрофичные трансформации; — *психологически* дискредитирует авангардизм, эсхатологизм, мессианизм.

В самой широкой редакции, следовательно, центризм есть продуманный антимонополизм, избегающий в вершении истории нездоровых претензий на исклю-

чительность, декларативность, профетизм, стремлений выступать от имени «большого времени», «прогресса», неизбежно приносящих человеческую судьбу на алтарь «идеала».

Двойные тени двойных истин дают двойную ложь. Вспомним хилиазмы «большого скачка». Сталин замыслил досрочное выполнение пятилеток; Хрущев — контрамериканский животноводческий демарш; Мао — общекитайский бросок. Без ресурсного, технологического обсчета в магические три года. Упомянув об этом без каких-либо претензий, желательнo подчеркнуть небезболезненность преобразовательных экзальтации. И Россия, и Китай, как впоследствии Кампучия, захваченные страстью как бы сбывающейся мечты, пережили трагедию национального холокоста. Откуда видно, что доктринальной мифологии сопутствует бестиализм; безответственный прогрессизм требует якобинизма. Но борьба не создает, а разрушает ценности. Движение через гильотину — маршрут гибельный. Бытие должно быть избыточным относительно срока индивидуальной жизни. Если ради идеального порядка надо топить и вешать, то, как говорил Чехов, к черту такой порядок.

Доказательства ничтожности кабинетно проектируемого существования — примеры, подтверждающие его величие. Потому сусальные краски не пригодны для описания мира, именуемого «наше будущее». Довольно доктринерского изображения действительности, кладущего начало бесчеловечному царству неизменно посрамляемых идей. Равным образом отвергая как доктринерство, так и бестиализм, ставя при этом на первый план интересы граждан, простых людей, правильно в политической деятельности руководствоваться принципами:

— постепенности, ненасильственности социальных реформ ввиду нежелательности, опасности (многократно усиливаемых ядерными, экологическими факторами) общественных катаклизмов;

— человеколюбия: гармоничное развитие личности, приобщенной к высотам правовой, гражданской, экологической, физической, соматической, интеллектуальной культуры;

— демократического участия: заинтересованная вовлеченность индивида, предполагающая полноту самореализации, его представленность в общественных институтах;

— свободы: гарантии опирающегося на народовластие, правовой строй персонального волеизъявления;

— социальной справедливости: ликвидация пропасти в доходах 10% наиболее высоко- и низкооплачиваемых, поощрение продуктивной инициативы, обеспеченная оплата таланта, труда, твердые патронажные программы поддержки малоимущих, социально уязвимых слоев;

— этнической терпимости: равноправное, достойное развитие всех этнических групп, имеющих национально-культурную автономию, на условиях федеративного объединения входящих в территориально неделимую Россию;

— конструктивного взаимодействия страны с мировым сообществом, интеграции России в мирохозяйственные связи, активного формирования единых экономических, культурных, коммуникационных контуров и пространств.

Время мысленных живописаний для России прошло. Настала пора ответственных, практических шагов и действий. Реперами инноваций России как непреходящей самобытной, самодостаточной компоненты цивилизационного процесса выступают: — полиэтнизм; — поликонфессиональность; — демократизм; — гражданский консенсус; — патриотизм; — гуманистичность развития; — толерантность социальных технологий; — главенство закона; — правопорядок; — дистанцированность от экстремизма, фанатиз-

ма, радикализма.

Под лозунгом «Свобода, Закон, Стабильность» открывается перспектива созидания гуманного, продуктивного, устойчивого социума. Социума, в фокусе которого не абстрактный человек, а конкретная личность, имеющая простор творчества, гарантии самореализации.

Отстаивая всесторонне продуманные национальные интересы, можно твердо высказываемся за правообеспеченную легальную полезную деятельность, деловую активность, предприимчивость. Выход из пошехонья — в социально-созидательном партнерстве, а не бунтарстве: — соучастие в стабилизации мирового порядка; — отказ от импульсного развития, переход на платформу устойчивости инноваций; — обуздание монополий; — рефинансирование собственного производства; — демократизация практики социального вовлечения, участия; — внедрение чувствительного прецедентного права, принятие законов как кодексами, так и нормами (в особенности в сфере гражданского, земельного, залогового, банковского права); — прогрессивная динамика населения в зависимости от адаптированности, богатства, достоинства, величия гражданских притязаний; — региональное, корпоративное сотрудничество, укрепляющее авангардные статусные позиции.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 311.
2. Тэн И. Социализм как правительство. СПб., 1884. С. 7.

I.N. Romanova

NATURE OF SOCIAL TRANSFORMATION

Abstract: The article describes the plot of social transformation. The author presents the mechanisms of positive civic modernization on centrism basic.

Key words: Social transformation, criteria of utopianism of theories, centrism of a policy, social apologia, social technology.